

Владимир Кожевников

Отдел К:
Сингулярность
Сознания

Владимир Кожевников

Отдел К: Сингулярность Сознания

<https://litres.ru/74383249>

SelfPub; 2026

Аннотация

В секретной лаборатории под Новосибирском физик Алексей Воронов создаёт устройство, открывающее дверь в иные слои реальности. Он слышит голос из будущего, который предупреждает о гибели человечества и передаёт формулы «Генератора Энергии Пустоты». Отдел «К» ФСБ во главе с подполковником Киной Савельевой должен понять: это гениальное прозрение или безумие? Ситуация обостряется, когда за физиком начинают охоту корпорации, а внутри него просыпается тёмное отражение, порождённое страхом. Экспедиция в горы Алтая превращается в гонку со временем, где на кону судьба мира, а цена спасения — жизнь самого Воронова. Футуристический саспенс с элементами психологического триллера о вере, жертве и границах человеческого разума.

Содержание

Глава 1. Шёпот из-за грани	4
Глава 2. Лабиринт отражений	8
Глава 3. Точка невозврата	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Кожевников

Отдел К: Сингулярность Сознания

Глава 1. Шёпот из-за грани

Ночь над Академгородком стояла такая, что воздух, казалось, трескался от мороза, как перетянутая струна. Корпус Института прикладной физики № 7 был тёмным, словно запечатанный склеп; лишь аварийные лампы бросали на стены тусклые жёлтые пятна, делавшие тени длинными и неживыми. В лаборатории квантовых полей, среди вороха разобранных приборов и спутанных кабелей, склонился человек. Его движения были одновременно выверенными, как у хирурга, и лихорадочными, как у безумца. Доктор Алексей Воронов, тридцати четырёх лет, физик-теоретик с глазами, воспалёнными до красноты, припаивал медную жилу к кольцу из ферромагнетика, выданному из охлаждающего контура старого коллайдера. На бетонном полу мелом была выведена схема, напоминавшая не то карту древнего лабиринта, не то модель нейронной сети, сорвавшейся в хаос: переплетения окружностей, спиралей и символов, от которых начинало рябить в глазах.

— Синхронизация неизбежна, — шелестел в его черепе голос. Его собственный, но искажённый, будто пропущенный через толщу воды и десятилетий. — Ты не успеваешь, Алексей. Дверь открывается сама.

Воронов не отвечал. На слова не оставалось сил: третьи сутки без сна, на кофеине и куске чёрствого хлеба. Коллеги разошлись по домам, списав его состояние на очередное «затмение гения». Но этой ночью он знал без тени сомнения: либо он замкнёт контур, либо реальность в этом помещении лопнет, как перегретое стекло.

Охранник Степан, коротавший смену за мониторами, заметил аномалию в 03:14. Лаборатория № 4 на экране вдруг окрасилась в цвет, которого не существовало в природе — холодный ультрамарин с металлическим отливом. Аналоговые датчики зашкалили, цифровые отключились, сработала только аварийная сирена. Степан вызвал группу реагирования, но дверь лаборатории не поддавалась: изнутри её словно приварили. Из щелей тянуло озоном и чем-то едким, отдалённо напоминающим запах палёной резины с примесью пыли — горький, тревожный, чужой.

Через семнадцать минут бойцы вышибли дверь. Их встретил Воронов, стоящий посреди разгрома с лицом человека, узревшего нечто запредельное. В полуметре от его вытянутой руки парила сфера размером с кулак, абсолютно чёрная, как зрачок вселенной, и вокруг неё дрожало само пространство: стены, столы, приборы изгибались, точно отражения

в расплавленном зеркале. Воронов коснулся сферы, и она схлопнулась в точку, оставив после себя запах озона и тонкий комариный писк.

— Я видел Москву, — произнёс он, не глядя на вошедших. — Она превратилась в пепел. Но ещё не всё потеряно. Я знаю, как это остановить.

Часом позже в лабораторию вошла Кира Савельева, подполковник ФСБ, начальник отдела «К» — структуры, о которой не пишут в приказах. Среднего роста, с русыми волосами, стянутыми в тугой хвост, с лицом, на котором усталость соперничала с цепкой внимательностью. Она не стала тратить время на формальности и сразу подошла к Воронову, сидевшему на стуле с пледом на плечах. Рядом капитан Дмитрий Рогов уже разворачивал мобильный комплекс анализа.

— Доктор Воронов, — начала она, — я подполковник Савельева. Объясните, что здесь произошло. Только без фантазий.

Воронов поднял глаза. В них не было ни безумия, ни страха — лишь чудовищная, почти нечеловеческая ясность, от которой Савельевой стало не по себе. Где-то на краю сознания шевельнулось воспоминание: случай под Якутском в 2017-м, пилот, вернувшийся из аномальной зоны, — у него был такой же взгляд. Человек, который уже не принадлежал этому миру.

— Это не фантазия, — тихо сказал он. — Голос, который

я слышу, — не инопланетный. Это я сам, из будущего. Через пятьдесят лет человечество уничтожит себя в войне за ресурсы. Я передал себе формулы «Генератора Энергии Пустоты». Он способен изменить правила игры.

Савельева не отвела взгляда. Рогов подал ей планшет с данными.

— Зафиксированы гравитационные волны, — шёпотом доложил он. — Микросингулярность на доли секунды. Это вне известной физики.

— Голос всё ещё с вами? — спросила Савельева.

— Он затихает, — Воронов сжал виски. — Но я успел записать главное. Устройство, которое вы видели, — лишь макет. Настоящее требует «Синхронизации»: мой мозг должен войти в резонанс с ноосферой Земли. Только тогда энергия пустоты станет управляемой.

— И что это значит для вас?

— Это убьёт меня, — спокойно ответил он. — Но, если не сделать, через полвека планета превратится в один большой крематорий.

В наступившей тишине слышно было, как за окном, над заснеженными крышами Академгородка, медленно разгорается рассвет — не алый, не золотой, а бесцветный, выцветший, будто сама природа поблекла от услышанного.

Глава 2. Лабиринт отражений

Изолятор отдела «К» находился в подвале бывшего бункера, построенного в середине прошлого века для защиты от ядерного удара. Стены из железобетона толщиной в полтора метра гасили любые внешние сигналы, а запах сырости и старой смазки пропитал здесь всё, включая воздух. Окон не было, единственная стальная дверь открывалась снаружи. В эту камеру поместили доктора Алексея Воронова.

Он сидел на жёсткой койке, прикрученной к полу, и смотрел в угол потолка, где тусклая лампа отбрасывала дрожащую тень от вентиляционной решётки. Подполковник Савельева вошла без охраны, проигнорировав настояние Рогова. Она поставила стул напротив койки, села и положила на колени диктофон.

— Алексей, давайте без предисловий, — начала она. — Когда вы впервые услышали этот голос?

Воронов медленно перевёл на неё глаза. В тусклом свете её лицо казалось высеченным из камня, но он увидел в нём нечто, заставившее его ответить честно.

— Три месяца назад, в ночь с седьмого на восьмое февраля, — сказал он. — Я работал над расчётами для проекта «Зеркало». Внезапно наступила тишина — не физическая, а внутренняя. Как будто кто-то выключил мой внутренний диалог. А потом возник... не голос. Воспоминание. Воспо-

минание о том, чего ещё не было.

— Поясните, — Савельева наклонилась вперёд.

— Представьте, что вы читаете книгу, которую сами же и написали, но не помните этого. Вы узнаете каждый поворот сюжета, каждую смерть, каждую ошибку. И вы можете попытаться переписать некоторые страницы, пока чернила не высохли.

— Красиво. Но мне нужно не сравнение, а факты. Как часто это происходит? Что именно вы видите?

Воронов внезапно побледнел. Его пальцы вцепились в край матраса.

— Он здесь... он требует продолжить расчёт... — прошептал он, и его зрачки расширились, поглотив радужку.

Савельева инстинктивно подалась назад, нажав кнопку вызова. Но в этот момент Воронов заговорил — нет, это был не его голос. Он стал чужим, лишённым интонаций, будто синтезированным из белого шума и эха. Из его рта понеслись термины: «вакуумные флуктуации», «эффект Казимира», «нулевые колебания поля». Он произносил уравнения, но так быстро, что Рогов, ворвавшийся через минуту, едва успевал фиксировать.

— ...при отрицательной плотности энергии создаётся стабильный туннель, но для его удержания требуется когнитивный резонанс с частотой ноосферы, приблизительно семь целых восемь десятых герца, что совпадает с тета-ритмом мозга в фазе быстрого сна...

Из носа Воронова потекла тонкая струйка крови. Он продолжал вещать, глядя перед собой невидящими глазами, пока не осёкся и не рухнул на пол.

Позже, придя в себя, он описал видение. Это не была панорама сгоревшей Москвы в духе фильмов-катастроф. Он говорил о мелочах, от которых становилось страшнее: его старая квартира на Таганке, окна, выбитые, занавеска, вцепившаяся в раму, как раненый зверь; детская площадка во дворе, где качели ржаво скрипели, раскачиваясь от ветра, а вокруг — ни души; и тишина. Такая глубокая, что звенело в ушах. А вдалеке, над горизонтом, поднималось марево, и в нём асфальт плавился, как воск, а деревья превращались в подобие стеклянных скульптур, с которых стекали прозрачные капли, застывающие в воздухе.

— Я видел не разрушение, — сказал Воронов, и в его голосе слышалась не пафосная скорбь, а усталая обречённость. — Я видел конец смысла. Там не было криков. Только пустота, заполненная шёпотом.

Савельева слушала, и в её груди что-то сжалось. Она вспомнила свою бабушку, жившую в старом доме на Пресне, её руки, пахнувшие тестом. Если Воронов прав, то эти руки превратятся в пыль. Она сглотнула и вышла в коридор.

Рогов ждал её с планшетом.

— Товарищ подполковник, — начал он тихо, — из Москвы запрашивают срочный отчёт. И ещё: по нашим каналам прошла информация, что корпорация «Прометей» активи-

зировала поиски объекта. Кто-то слил данные о Воронове. Возможно, среди наших есть утечка.

Савельева прислонилась к стене. Бетон холодил спину, приводя мысли в порядок.

— Значит, у нас два врага, — сказала она. — Тот, кто хочет использовать Воронова, и тот, кто хочет его уничтожить.

— Или оба хотят одного и того же, только разными способами, — отозвался Рогов, задумчиво глядя на мигающий индикатор на планшете.

Савельева перевела взгляд на дверь камеры.

— «Прометей» его не получит, — произнесла она. — Но и мы не можем держать его в подвале вечно. Нужно понять, что из его слов — безумие, а что — шанс. И сделать это быстро, пока нас не опередили.

В этот момент динамик на поясе Рогова ожил, и сквозь шум помех прорвался голос дежурного:

— Капитан, срочно! В камере № 4 снова аномалия. Похоже, Воронов... исчез?

Савельева и Рогов переглянулись и бросились к двери.

Глава 3. Точка невозврата

Дверь камеры № 4 распахнулась от удара, и Савельева первой ворвалась внутрь. Картина заставила её замереть на пороге. Воронов лежал на койке, но его тело было полупрозрачным, будто сотканным из дрожащего тумана. Сквозь него проступали прутья кровати. Лицо физика исказилось, глаза открыты, но зрачки исчезли — вместо них две молочно-белые пустоты, излучавшие слабое сияние.

— Что за чертовщина? — выдохнул Рогов, остановившись рядом.

Савельева не ответила. Она пыталась найти рациональное объяснение, но рассудок буксовал. В углу камеры воздух дрожал, как над раскалённым асфальтом. На бетонной стене, над койкой, проступили пульсирующие символы — те же, что Воронов рисовал мелом в лаборатории, только теперь они казались живыми.

— Дежурный, заблокировать все входы и выходы! — командовала Савельева в рацию. — Рогов, вызови научную группу. Ирину Штерн, срочно!

Рогов выскочил в коридор. Савельева осторожно приблизилась. Протянула руку, но не решилась коснуться. Наклонилась к лицу Воронова. Его губы шевелились беззвучно, но она уловила шёпот: «...не удерживайте... отпустите...».

Тело физика стало ещё прозрачнее, а затем по камере

прокатилась волна холода, от которой перехватило дыхание. Пол завибрировал. Свет мигнул и погас. Через несколько секунд аварийное освещение вспыхнуло, и Воронов лежал на койке уже плотный, материальный, но без сознания. Символы на стене исчезли, оставив на бетоне тёмные подпалины.

Савельева проверила пульс: слабый, но ровный. Выдохнула.

Через десять минут в камеру вошла доктор Ирина Штерн, нейрофизик, сотрудничавшая с отделом «К» по особо секретным программам. Женщина лет сорока, с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. В её острых, пронизательных глазах читался не только скепсис, но и живой, почти детский интерес к необъяснимому. Она сразу подошла к Воронову и начала осмотр.

— Что здесь произошло? — спросила она, не оборачиваясь.

— Мы надеялись, что вы нам скажете, — ответила Савельева. — Объект на несколько минут стал прозрачным, а стены светились.

Штерн хмыкнула, но не стала язвить. Она достала портативный сканер и провела им над телом.

— У него признаки глубочайшей нейронной перегрузки. Мозг работает на пределе, будто его заставили решать уравнения, на которые не хватит и суперкомпьютера. Если так продолжится, он погибнет от кровоизлияния. — Она повернулась к Савельевой. — И всё же, как он мог стать прозрач-

ным? Это противоречит всем законам физики.

— Может, он создал локальное искажение? — предположила Савельева.

— Без оборудования? Без генератора поля? Это невозможно. — Штерн помолчала, глядя на экран. — Хотя... если его мозг генерирует когерентные волны на частоте, близкой к квантовым флуктуациям, он мог бы влиять на вероятность нахождения частиц в пространстве. Но это чистая спекуляция.

— Однако факт налицо.

— Да, но «факт» не значит «понятно». — Штерн нахмурилась. — Уровень когерентности нейронных связей аномально высок. Такое бывает при глубокой медитации, но в сотни раз слабее. Его мозг настроен на какую-то внешнюю частоту. — Она подняла глаза. — Вы упоминали, что он говорил о ноосфере?

— Да, — подтвердила Савельева.

— Если это не бред, то мы столкнулись с явлением, которое перевернёт наше понимание сознания.

В этот момент Воронов пошевелился. Веки дрогнули, он открыл глаза. Взгляд был мутным, но осмысленным. Он попытался приподняться, но застонал и откинулся на подушку.

— Я вернулся, — прошептал он. — Там... я видел всю сеть. Все умы, связанные воедино. Ноосфера живая. Она страдает. И она зовёт меня.

— Что вы видели, Алексей? — мягко спросила Савельева,

присев рядом.

— Я видел, как мысль одного человека может стать реальностью. Как страх порождает пустоту. — Он поморщился и схватился за голову. — Но я не должен уходить слишком рано. Сначала нужно построить резонатор. Полный.

— Вы сможете его построить? — спросила Штерн.

— Я знаю, как. Но мне нужны материалы. И защита. — Он взглянул на Савельеву. — Они уже идут за мной.

Савельева переглянулась с Роговым.

— Кто идёт?

— Те, кто продали меня. «Прометей». Их агент уже внутри бункера.

В этот момент динамик на стене ожил. Голос дежурного был прерывистым:

— Товарищ подполковник, у нас прорыв периметра! Камера видеонаблюдения на третьем уровне зафиксировала двух неизвестных в масках. Они движутся к изолятору!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.